

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 10, пунктов 1 и 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», а также пункта 1 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» в связи с жалобой гражданки Осиповой Анастасии Владимировны

город Санкт-Петербург

27 октября 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, В.В.Коробченко, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 2 статьи 10, пунктов 1 и 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», а также пункта 1

статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки А.В.Осиповой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.В.Коновалова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданка А.В.Осипова оспаривает конституционность следующих положений Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-I «О защите прав потребителей»:

пункта 2 статьи 10, а фактически его абзаца четвертого, в силу которого информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать цену в рублях и условия приобретения товаров (работ, услуг), в том числе при оплате товаров (работ, услуг) через определенное время после их передачи (выполнения, оказания) потребителю, полную сумму, подлежащую выплате потребителем, и график погашения этой суммы;

пункта 1 статьи 13 о том, что за нарушение прав потребителей изготовитель (исполнитель, иные перечисленные в данной норме лица) несет ответственность, предусмотренную законом или договором;

пункта 6 той же статьи, а фактически его абзаца первого, согласно которому при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, иных перечисленных в данной норме лиц) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения

требований потребителя штраф в размере пятьдесят процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Заявительница также оспаривает конституционность пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 363-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», посредством которого была введена в действие актуальная редакция оспариваемого ею абзаца четвертого пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

1.1. Решениями Ленинского районного суда города Чебоксары от 14 сентября 2021 года и от 27 мая 2022 года с гражданина Х. в пользу гражданина Л. взысканы денежные средства по предварительному договору купли-продажи квартиры, а также проценты за пользование чужими денежными средствами по день фактического погашения суммы долга. На стадии исполнительного производства Л. обратился к юристу А.В.Осиповой, оказывающей услуги в сфере права в качестве самозанятого – плательщика налога на профессиональный доход, за получением юридической помощи в связи с взысканием указанного долга. Между ними был заключен договор об оказании юридических услуг, датированный 15 ноября 2022 года, по условиям которого А.В.Осипова (исполнитель) обязалась оказать Л. (заказчику) юридическую помощь: изучить представленные документы и проинформировать о возможных вариантах решения проблемы погашения долга; сопровождать два исполнительных производства и процедуру банкротства Х. с целью взыскания с него задолженности по двум исполнительным листам и подготовить все необходимые документы. По условиям договора стоимость названных услуг была определена в размере 20 процентов от денежных средств, которые будут перечислены заказчику по указанным исполнительным листам.

В процессе исполнения данного договора заявительницей были оказаны все перечисленные в нем юридические услуги. Кроме того, как установили

суды, ею были совершены действия, прямо не предусмотренные содержанием договора, а именно привлечение в качестве посредника гражданина А., который путем переговоров способствовал в убеждении Х. в необходимости выплаты им полной суммы долга. После этого денежные средства были перечислены Л. в полном объеме.

Несмотря на это 4 мая 2023 года Л. направил А.В.Осиповой претензию, в которой указал, что цена оказанных ему услуг является неразумной, нефиксированной, завышенной, что он был введен относительно нее в заблуждение, в связи с чем предложил заключить дополнительное соглашение об оплате этих услуг по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные услуги. Впоследствии Л. обратился в суд с иском к А.В.Осиповой и гражданину Д. (который приобрел у нее денежное требование к Л. по договору цессии), в котором просил: признать условие о цене в договоре об оказании юридических услуг недействительным; применить последствия недействительности сделки; взыскать с А.В.Осиповой компенсацию морального вреда за нарушение прав потребителя; взыскать с нее штраф, предусмотренный пунктом 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

В обоснование своих требований он сослался на то, что в письменной форме договор с А.В.Осиповой был составлен только в апреле 2023 года, т.е. уже после фактического оказания ею ранее согласованных юридических услуг; при подписании договора он ошибся, полагая, что цена договора составляет не двадцать, а два процента от суммы взысканного долга (что, по полученной им информации, примерно соответствовало средней и обычно взыскиваемой на рынке цене соответствующих услуг). А.В.Осипова иск не признала, утверждая, что условие о цене подлежащих оказанию услуг было известно Л. изначально; возможность определить цену в фиксированной величине в момент заключения договора отсутствовала, поскольку подлежащая взысканию с Х. денежная сумма включала проценты, начисленные на день фактического погашения задолженности; все свои

обязательства по договору она выполнила, в результате чего с последнего была взыскана безнадежная, по сути, задолженность.

1.2. Решением Ленинского районного суда города Чебоксары от 28 февраля 2024 года в удовлетворении иска Л. отказано. Суд по результатам оценки доказательств (в частности, переписки сторон, конклюдентных действий по исполнению договора, показаний свидетеля) пришел к выводу, что условия договора в оспариваемой части сторонами были согласованы, а Л. был осведомлен о порядке расчета оплаты услуг исполнителя. В решении также указано, что сама по себе высокая итоговая стоимость оказанных услуг не свидетельствует о заключении договора под влиянием заблуждения. Кроме того, суд отметил, что указание в договоре цены услуги в процентном отношении к взысканной сумме, т.е. без окончательного определения ее в денежном выражении, также не свидетельствует о недействительности данного условия.

С этим решением не согласилась судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Чувашской Республики (апелляционное определение от 29 мая 2024 года), которая, признав, что на правоотношения А.В.Осиповой и Л. распространяется Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей», указала, что спорное условие договора является способом определения цены услуги, а не «гонораром успеха», так как судебные постановления о взыскании денежных средств в пользу Л. уже состоялись и подлежали исполнению в установленных ими размерах. Однако поскольку в тексте договора отсутствовала цена за оказываемые услуги в рублях и полная сумма, подлежащая выплате заказчиком исполнителю, судебная коллегия пришла к выводу, что истцу не была предоставлена надлежащая информация о цене услуги в установленном законом порядке, а форма изложения условия о цене не соответствовала императивным нормам закона. При этом судебная коллегия сослалась в числе прочего на разъяснение, содержащееся в пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение

обязательств», по смыслу которого в случае, если стороне переговоров ее контрагентом представлена неполная информация, допускается признание сделки недействительной по основанию ее совершения под влиянием заблуждения. С учетом изложенного судебной коллегией удовлетворено требование Л. о признании условия договора с А.В.Осиповой о цене ее услуг недействительным, с последней также взысканы компенсация морального вреда и штраф.

С названным судебным постановлением согласилась судебная коллегия по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции (определение от 17 сентября 2024 года), дополнительно отметив, что, поскольку условие договора о цене признано недействительным, А.В.Осипова вправе требовать с Л. оплаты услуг по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные услуги. Судья Верховного Суда Российской Федерации не нашел оснований для передачи кассационной жалобы заявительницы для рассмотрения ее в судебном заседании по существу (определение от 26 декабря 2024 года), с чем также согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 26 марта 2025 года).

По мнению А.В.Осиповой, оспариваемые законоположения противоречат Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 1), 19, 34 (часть 1) и 37 (части 1 и 2), поскольку допускают возможность нарушения права добросовестного исполнителя услуги, не имевшего на момент заключения договора возможности указать полную сумму, подлежащую уплате потребителем, на получение платы за оказанную услугу исходя из указанного в договоре способа определения ее цены.

1.3. Предусмотренный абзацем первым пункта 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» штраф представляет собой одну из сверхкомпенсационных мер, которые применяются дополнительно к мерам, направленным на возмещение имущественных потерь потребителя, при этом основной целью данного штрафа является стимулирование предпринимателя в потребительских отношениях к

добровольному удовлетворению требований потребителя на досудебной стадии (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2024 года № 59-П). Предоставление дополнительной защиты этой категории участников экономического оборота обусловлено их более слабой и зависимой позицией в отношениях с организациями и индивидуальными предпринимателями. Применение меры ответственности в виде штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя производно от удовлетворения судом требования о защите его прав и по общему правилу не зависит от того, что послужило причиной допущенного нарушения, поскольку соответствующие обстоятельства обычно находятся вне сферы влияния потребителя. С учетом этого взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», устанавливающего общее правило об ответственности исполнителя за нарушение прав потребителя, и абзаца первого пункта 6 этой статьи сами по себе не могут рассматриваться в качестве нарушающих конституционные права заявительницы.

Кроме того, вопреки требованиям статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», представленными материалами не подтверждается применение судами в конкретном деле с участием А.В.Осиповой пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 363-ФЗ.

С учетом этого производство по настоящему делу в отношении указанных законоположений подлежит прекращению на основании пункта 2 части первой статьи 43 и части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

1.4. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что формируемая им по настоящему делу правовая позиция не подлежит распространению на случаи, когда предметом договора с участием потребителя является представление его интересов при осуществлении процессуального представительства в суде при рассмотрении гражданского, административного или уголовного дела.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является абзац четвертый пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в той мере, в какой на его основании в системе действующего правового регулирования разрешаются вопросы о допустимых способах согласования условия о цене товара, работы, услуги в договоре с участием потребителя и о последствиях неуказания в нем полной суммы, подлежащей уплате им.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России условия для функционирования рыночной экономики – единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, относит к числу прав и свобод, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства, в том числе право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 2; статья 8, часть 1; статья 34, часть 1). Свобода предпринимательства представляет собой универсальный (интегрированный) конституционно-правовой принцип, объединяющий несколько относительно самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности, включая принцип свободы договора, общедозволительный принцип, принцип свободы конкуренции (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2012 года № 276-О-О).

Граждане могут самостоятельно определять сферу своей экономической деятельности и осуществлять ее как непосредственно, в индивидуальном порядке, так и опосредованно, в том числе путем создания коммерческого юридического лица либо путем участия в нем единолично или совместно с другими гражданами и организациями. Они вправе выбирать стратегию развития бизнеса, используя свое имущество с учетом конституционных гарантий права собственности (постановления Конституционного Суда

Российской Федерации от 21 мая 2021 года № 20-П, от 7 февраля 2023 года № 6-П и др.). Государство со своей стороны призвано стимулировать свободную рыночную экономику, основанную на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как ее основных субъектов, а также гарантировать стабильность, предсказуемость, надежность гражданского оборота, эффективную судебную защиту прав и законных интересов его участников (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 года № 6-П, от 18 июля 2008 года № 10-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.).

Закрепляя фундаментальные основы экономической свободы человека, Конституция Российской Федерации исходит из того, что реализация этой свободы сопряжена с соблюдением условий, установленных законом (статья 71, пункты «в», «ж», «о»; статья 76, часть 1), не должна выходить за пределы, очерченные в том числе недопустимостью нарушения прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3), необходимостью сбалансированности прав и обязанностей граждан (статья 75¹) и запретом экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 34, часть 2), а также может подвергаться законодательным ограничениям, вводимым в соответствии с конституционно обусловленными критериями (статья 55, часть 3). Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (статья 15, часть 2).

Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на приведенные конституционные императивы, отмечал, что законодатель, действуя в рамках своих полномочий, при регулировании гражданско-правовых отношений призван обеспечивать их участникам справедливое, отвечающее разумным ожиданиям граждан, потребностям рынка, социально-экономической ситуации, не ущемляющее свободу экономической деятельности и не подавляющее инициативу соотношение прав и обязанностей (Постановление от 2 декабря 2021 года № 51-П). В случае необходимости защиты общих (общественных) интересов в той или иной

сфере он вправе использовать в регулировании соответствующих отношений сочетание частноправовых и публично-правовых элементов, которое наиболее эффективным образом будет обеспечивать взаимодействие частных и публичных интересов в данной сфере (постановления от 20 декабря 2011 года № 29-П, от 12 июля 2023 года № 39-П и др.). Для достижения баланса частных и публичных интересов требуется, чтобы цели ограничения прав и свобод были не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения – адекватны этим целям и требованиям справедливости. При допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями следует использовать не чрезмерные, а лишь необходимые и обусловленные ими меры. Публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (постановления от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 22 июня 2010 года № 14-П, от 13 июля 2010 года № 16-П и др.).

В Постановлении от 23 февраля 1999 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации также указал, что из смысла конституционных предписаний вытекает признание свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина. Гражданский кодекс Российской Федерации относит свободу договора к основным началам гражданского законодательства (пункт 1 статьи 1), а также закрепляет, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора (пункт 1 статьи 421).

При этом свобода договора в ее конституционно-правовом смысле, предполагая равенство и согласование воли сторон, не является абсолютной, не должна вести к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод и, как и иные основные права, может быть ограничена федеральным законом, но лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, как того требует статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации (постановления Конституционного Суда

Российской Федерации от 6 июня 2000 года № 9-П, от 1 апреля 2003 года № 4-П и др.).

3. С приведенной правовой позицией согласуются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающие, что условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (пункт 4 статьи 421), и что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения (пункт 1 статьи 422).

Данный Кодекс также закрепляет в пунктах 1 и 2 статьи 424, что исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон, и лишь в предусмотренных законом случаях применяются цены, устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами и (или) органами местного самоуправления, а изменение цены после заключения договора допускается в случаях и на условиях, предусмотренных договором, законом либо в установленном законом порядке. Стороны договора, таким образом, по общему правилу свободны в выборе вариантов согласования условия о его цене, при этом это условие, как следует из пункта 3 указанной статьи, считается согласованным и в том случае, если в договоре установлен способ определения цены. Наделяя субъектов экономических отношений правом на такой – осознанный и добровольный – выбор, принцип свободы договора одновременно предполагает, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, принятие ими объективных рисков, связанных с конкретной хозяйственной деятельностью (постановления от 7 февраля 2023 года № 6-П, от 3 апреля 2023 года № 14-П и др.).

3.1. Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, законодатель, исходя из конституционной свободы договора, не вправе ограничиваться формальным признанием юридического равенства сторон при их фактическом – объективном (например, в силу доминирующего положения

одной из них) или субъективном (в результате недобросовестного поведения, связанного, в частности, с качеством или объемом предоставляемой другой стороне информации) – неравенстве и должен предоставлять преимущества экономически слабой и зависимой стороне (постановления от 24 марта 2022 года № 12-П, от 3 апреля 2023 года № 14-П, от 24 марта 2025 года № 13-П и др.). Таковой в гражданско-правовых отношениях с организациями и индивидуальными предпринимателями является потребитель, нуждающийся в дополнительной защите (постановления от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 11 декабря 2014 года № 32-П, от 17 февраля 2026 года № 7-П и др.).

Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» относит для целей его регулирования к числу исполнителей организации независимо от их организационно-правовых форм и индивидуальных предпринимателей, которые выполняют работы или оказывают услуги потребителям по возмездному договору (абзац пятый преамбулы). В то же время Гражданский кодекс Российской Федерации допускает, что в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (пункт 1 статьи 23). Такие условия предусмотрены, в частности, Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», устанавливающим, что – за исключением видов деятельности, для которых федеральными законами предусмотрено обратное, – физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей (часть 6 статьи 2), и определяющим в качестве профессионального дохода доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества (часть 7 той же статьи). В Постановлении от 30 мая 2024 года

№ 27-П Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что физические лица, применяющие введенный названным Федеральным законом специальный налоговый режим, нередко обозначаются в качестве «самозанятых» и что содержание действующих правовых актов как законодательного, так и подзаконного уровня означает, по сути, официальное юридическое признание института самозанятости граждан как налогооблагаемой деятельности, приносящей им доход.

Притом что не всякий самозанятый осуществляет именно предпринимательскую деятельность (т.е. самостоятельную деятельность, направленную на получение прибыли и имеющую систематический и рисковый характер), содержание правового статуса отдельных самозанятых граждан в аспекте их взаимоотношений с потребителями во многом соотносится с характеристиками, которым отвечают субъекты, прямо поименованные в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» в качестве исполнителей (в частности, профессиональный характер деятельности в определенной области, возмездная договорная основа оказываемых услуг), поэтому при прочих равных условиях на них в соответствующих ситуациях должно распространяться аналогичное правовое регулирование, обеспечивающее защиту интересов потребителя. Такой подход воспринят, в частности, при определении понятия «исполнитель» в абзаце шестом преамбулы Единых правил в области защиты прав потребителей, утвержденных Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 года № 6, и нашел применение в судебных постановлениях, принятых по делу заявительницы.

В соответствии с пунктом 4 статьи 23 ГК Российской Федерации гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований пункта 1 данной статьи, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем. Суд может применить к таким сделкам правила данного Кодекса об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Таким образом, положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» могут распространяться на правоотношения с участием не только организаций и индивидуальных предпринимателей, но и иных лиц, в частности самозанятых, если такие правоотношения по своей природе аналогичны другим правоотношениям с участием потребителей, т.е. если им свойственны: профессиональный, систематический и возмездный характер продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг; существенно бóльшие, чем у потребителя, познания, навыки и опыт этого лица в сфере соответствующей профессиональной деятельности; заведомо более слабая и зависимая экономическая позиция их контрагента. Иное существенным образом ущемляло бы защищенность правового положения потребителя.

3.2. По смыслу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2022 года № 23-П, следуя цели защиты слабой стороны в договоре, законодатель может, в частности, ограничивать право на свободу договора путем признания норм права, регулирующих права и обязанности по соответствующему договору, императивными.

Согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, содержащимся в постановлении от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах», норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. При отсутствии в норме, регулиющей права и обязанности по договору, явно выраженного запрета установить иное она является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора (пункты 2 и 3).

Соответственно, нормы, закрепляющие права потребителя, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 февраля

2026 года № 7-П, должны признаваться по общему правилу императивными, если они направлены на обеспечение его защиты как более слабой стороны договора.

Названную цель по своему смыслу преследует и оспариваемый абзац четвертый пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», направленный на защиту прав потребителей от недобросовестности изготовителя (продавца, исполнителя) и предоставление им возможности компетентного выбора продукции (услуг) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 года № 2398-О, от 21 июля 2022 года № 1919-О и др.). По своему буквальному значению эта норма устанавливает особое по сравнению с общими положениями гражданского законодательства о правилах определения цены договора регулирование, ориентируя участников гражданского оборота на согласование в потребительском договоре, по сути, исключительно твердой (фиксированной) величины.

4. Такой подход законодателя осуществлен в пределах имеющейся у него дискреции и имеет определенные предпосылки. Как правило, потребитель фокусирует свое внимание на условиях договора о предмете и цене, при этом последнее может быть сформулировано пространно и неясно для обычного гражданина. Находясь в состоянии экономической зависимости от профессионального участника оборота в силу заинтересованности в его продукте и притом не обладая необходимыми специальными познаниями и опытом, потребитель зачастую соглашается на все предложенные ему условия договора, полагаясь на сложившиеся обыкновения, многократность совершения другими потребителями схожих сделок на идентичных или аналогичных условиях, предполагая полную добросовестность контрагента, гарантированность своей защиты со стороны правопорядка (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2026 года № 7-П). Во многих случаях граждане, заключающие гражданско-правовые договоры в качестве потребителей, не заботятся о том, чтобы должным образом ознакомиться со всеми условиями договора, убедиться в том, что они

их правильно поняли, а иногда в силу обстоятельств заключения договора лишены технической возможности это сделать.

В результате этого волеизъявление потребителя может быть сформировано и выражено в содержании гражданско-правовой сделки недостаточно осознанно. Неполнота, неясность условий договора могут негативно повлиять на интересы потребителя, который в результате невнимательного их изучения или недостаточного понимания, в том числе не вполне зависящих от него самого, рискует столкнуться с непредвиденными последствиями. Оспариваемое правовое регулирование с такой точки зрения способствует искоренению деловых практик и бизнес-моделей, ориентированных на извлечение прибыли за счет недостаточно осознанного волеизъявления потребителей, ошибочного или опрометчивого принятия ими условий договоров, исполнение которых способно поставить их в исключительно некомфортные, не оправданные природой соответствующих взаимоотношений и несправедливые экономические условия.

Наибольшую угрозу для имущественных интересов потребителя способны создавать ситуации, в которых цена предоставляемых ему товаров, работ, услуг не только не может быть определена в твердой сумме на момент заключения договора, но и не подлежит расчету по понятной потребителю формуле, а также может оказаться зависящей от факторов, которые недостаточно понятны потребителю или возникновение (обнаружение) которых тот не мог должным образом предвидеть и осознавать. Результатом проявления этой угрозы становится существенное превышение полной суммы, подлежащей выплате по договору, над теми предельными расходами, которые потребитель рассчитывал осуществить, и, в конечном счете, урон, наносимый его имущественной сфере.

Таким образом, положение пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» – императивно устанавливающее, что в договорах с участием потребителей информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать цену в рублях и условия приобретения товаров (работ, услуг), в том числе при их оплате через

определенное время после передачи (выполнения, оказания) потребителю, полную сумму, подлежащую выплате потребителем, и график погашения этой суммы, – направлено на предотвращение ситуаций введения потребителей в заблуждение или формирования у них неполного или неверного представления относительно их экономических обязательств, а значит, и угроз финансовому благополучию значительной части населения вопреки конституционному императиву социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации). Названная норма во избежание ее противоречивого, искаженного толкования подлежит императивному применению даже в случаях полной добросовестности контрагентов потребителей и тем более востребована, когда такое поведение не отвечает критерию добросовестности.

4.1. Для применения установленного законодателем императивного способа определения цены договора с участием потребителя необходима обоснованная и оправданная квалификация конкретного правоотношения именно в качестве основанного на договоре, на который распространяется действие норм о защите прав потребителей, с учетом соответствия данного правоотношения установленным в законе критериям. Такая квалификация относится к сфере компетенции судов, рассматривающих конкретные споры с учетом присущих им фактических обстоятельств, однако очевидным выглядит то, что правила о защите прав потребителей подлежат применению только к тем правоотношениям (или их аспектам, если в том сохраняется практическая целесообразность), которые отвечают соответствующим критериям и в целом не противоречат закону. На соглашение, полностью или в соответствующей части обладающее признаками ничтожной или оспоримой сделки, законодательство о защите прав потребителей распространяться не может; к таким сделкам (или их отдельным условиям) должны применяться предусмотренные законом последствия их недействительности.

В частности, не может быть квалифицировано в качестве такого (потребительского) договора соглашение об оказании лицом услуг по

взысканию долга в интересах гражданина в нарушение требований Федерального закона от 3 июля 2016 года № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Содержание такого соглашения при наличии спора о взыскании подлежащей уплате цены должно анализироваться судом на предмет его возможной ничтожности.

Равным образом императивное правило об установлении твердой цены в договоре с участием потребителя не подлежит применению при совершении продавцом (подрядчиком, исполнителем) лично или через посредников действий, не предусмотренных соответствующим соглашением, и (или) действий, содержание и целесообразность которых продавец (подрядчик, исполнитель) не способен охарактеризовать и обосновать. Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что в силу конституционного принципа справедливости свобода, признаваемая за лицами, ведущими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к этим лицам (в первую очередь к тем из них, кто занимает доминирующее положение в той или иной сфере) требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность (постановления от 18 июля 2008 года № 10-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.; Определение от 19 октября 2010 года № 1277-О-О и др.). В Постановлении от 23 сентября 2021 года № 41-П Конституционный Суд Российской Федерации, анализируя оплату юридических услуг в аспекте возможности последующего возмещения их стоимости государством, отметил, что заказчику могут быть неоправданно предложены или навязаны услуги, не имевшие непосредственной связи с предметом соглашения, которые тот согласился оплатить только из доверия к адвокату и по причине зависимости от мнения последнего. Аналогичные обстоятельства могут возникнуть и тогда, когда услуги оказываются исполнителем, не имеющим статуса адвоката.

4.2. Установление законодателем императивного порядка определения цены в договорах с участием потребителей является методологически оправданным еще и потому, что значительная доля таких договоров опосредует обеспечение граждан наиболее востребованными ими на постоянной повседневной основе типовыми товарами, работами и услугами, широко представленными на рынке и обладающими обычными, лишенными уникальности свойствами и качествами. Именно поэтому такие договоры преимущественно имеют публичный характер и в большинстве случаев заключаются на стандартных, типовых условиях с использованием модели договоров присоединения.

Предоставление же товаров, работ или услуг, превосходящих по своим свойствам и качествам эти обычные характеристики, в рамках договора, квалифицированного как потребительский, должно предполагать право потребителя знать, в чем заключаются эти свойства и качества (в особенности если они требуют применения отличающегося от императивного порядка определения цены договора), и корреспондирующую этому праву обязанность контрагента потребителя объяснить, чем именно обусловлены особые свойства и качества его предоставления. В случае его неспособности или отказа соблюсти это требование товары, работы, услуги, фактическое предоставление которых подтверждено и не вызывает сомнений, подлежат оплате по цене, обычно взимаемой за аналогичные товары, работы, услуги в сопоставимых (рыночных) условиях.

5. Интересы потребителей при определении и доведении до их сведения размера затрат, предстоящих им в связи с заключением договоров, не должны ставиться под угрозу и в тех ситуациях экономического оборота, когда цена договора в силу природы взаимоотношений и с учетом интересов самого потребителя не может быть определена в виде полной суммы в рублях непосредственно в момент заключения договора.

В ряде моделей договорных отношений, в участии в которых заинтересованы потребители, буквальное применение предусмотренного законодателем способа определения при заключении договора его

окончательной фиксированной цены может не отвечать интересам потребителей, а в некоторых – технически невозможно. Например, на рынках аренды автомобилей, средств индивидуальной мобильности или предоставления услуг связи распространены гибкие и ориентированные на запросы потребителей способы расчета размера платы за оказанные услуги с учетом фактического объема их потребления; установление не учитывающей этот объем цены может не отвечать интересам потребителя. В комиссионной торговле комитент часто заинтересован в проявлении комиссионером экономической инициативы и не обязан давать ему конкретное поручение (статья 992 ГК Российской Федерации); комиссионер в таком случае вправе, руководствуясь обычно предъявляемыми требованиями, самостоятельно установить стоимость вещи и, совершив сделку, получить вознаграждение в размере согласованной части выручки. В ряде иных договорных моделей в целях стимулирования исполнителя к более активному достижению интересов заказчика последний может быть заинтересован в установлении нефиксированного дополнительного вознаграждения в виде части дополнительной выгоды от сделки (например, при продаже объекта недвижимости с использованием агентских услуг риелтора). Для договора подряда прямо допускается возможность определения цены работы путем составления сметы, которая, в свою очередь, может быть приблизительной (пункты 3 и 4 статьи 709 ГК Российской Федерации). Толкование оспариваемой нормы Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в качестве строго императивной в таких ситуациях могло бы привести к тому, что эти – и подобные им вполне устоявшиеся, понятные и обычно не вызывающие у слабой стороны каких-либо претензий – модели взаимодействия участников экономического оборота стали бы недоступны для них в силу объективной невозможности изначального определения итоговой суммы, подлежащей выплате потребителем. Обусловленное этим сокращение предложения не отвечало бы интересам широкого круга потребителей и не одобрялось бы ими.

Однако во всех перечисленных и аналогичных ситуациях экономического оборота с участием потребителей цена договора может быть определена и подлежит определению вполне конкретным, очевидным и понятным для потребителей образом, позволяющим им прогнозировать размеры будущих затрат. Если формула расчета цены при заключении договора оговорена сторонами, понятна потребителю и согласована им на основе осознанного и добровольного волеизъявления и если ее применение не обусловлено включением в нее дополнительных переменных, которые нельзя квалифицировать в качестве необходимых факторов для расчета цены (в качестве таких необходимых факторов следует, например, рассматривать время фактического использования транспортного средства при его почасовой аренде), то императивное требование законодателя об определении фиксированной цены потребительского договора может быть сочтено по своей сути соблюденным.

5.1. В ситуациях экономического оборота, которым свойственна алеаторность, т.е. неочевидность будущих результатов взаимодействия сторон, их зависимость от воздействия внешних обстоятельств, интересам потребителей может соответствовать определение цены договора в виде процента от денежных средств или иных имущественных предоставлений, которые в результате непосредственно исполнения договора может получить потребитель. В таких ситуациях отсутствует главная угроза имущественной сфере потребителя, которую уже охарактеризовал Конституционный Суд Российской Федерации, – перспектива взыскания с потребителя цены, существенно превышающей предельный размер расходов, которые он рассчитывал понести, при неадекватности этой цены полученному предоставлению. В подобных ситуациях, если соответствующие способ определения цены и порядок ее уплаты установлены договором, перспектива взыскания с потребителя цены, определенной в виде процента от приобретенных им материальных благ, может наступить только в случае такого приобретения, не нанося урона фактической, т.е. имевшей место до приобретения, имущественной сфере потребителя.

6. Таким образом, в целях обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота с учетом реалий складывающихся на рынке отношений предусмотренное абзацем четвертым пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» требование об указании в договоре полной суммы, подлежащей выплате потребителем, должно допускать определение цены договора и иным способом в тех случаях, когда ее указание в виде фиксированной величины технически невозможно в силу специфики предмета договора либо устоявшейся на рынке модели экономических отношений и (или) не соответствует интересам самого потребителя, а также в случаях, когда цена, определяемая в виде процента от приобретенных потребителем в результате исполнения договора материальных благ, уплачивается только в случае и после приобретения этих благ, что не влечет фактических расходов потребителя, а только уменьшает его доходы. При этом цена договора, размер и перспективы предстоящих потребителю затрат во всяком случае должны подлежать определению понятным для него способом; должна исключаться возможность влияния на цену факторов, неочевидных для потребителя в момент заключения договора и способных появиться (быть выявленными) позднее.

Если стороны определяют такой порядок ценообразования, то контрагент потребителя в случае спора должен доказать, что на момент согласования соответствующего условия договора оно не нарушало интересов потребителя и (или) соответствовало им и что до потребителя в доступной для него форме доведена вся необходимая информация о цене, позволявшая без существенных затруднений прогнозировать предельный размер его затрат.

6.1. В Постановлении от 9 апреля 2020 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что надежность и добросовестность сторон договора – одно из необходимых условий стабильности гражданского оборота. В развитие конституционного положения о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет, что при

установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (пункт 3 статьи 1). Недопустимы осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, т.е. злоупотребление правом (пункт 1 статьи 10). На всех этапах динамики обязательственного правоотношения – при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения – на его стороны возлагается обязанность действовать добросовестно, помимо прочего, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства (пункт 3 статьи 307).

Специфика норм о добросовестности состоит в том, что фактические обстоятельства, при которых эти нормы должны применяться, и правовые последствия, возникающие при их применении, не определяются в законе *a priori*; признаки (критерии) добросовестности выводятся из обстоятельств конкретного дела, причем добросовестность оценивается как в контексте условий договора, отличающихся от условий, предусмотренных законом, так и в контексте поведения сторон (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2022 года № 23-П). Неисполнение требования добросовестности поведения влечет для лица, допустившего такое поведение, определенные правовые последствия, связанные в том числе с возможностью отказа в защите права судом (пункт 2 статьи 10 ГК Российской Федерации). К требованиям, направленным на оспаривание сделки или ее отдельных условий, может применяться положение пункта 5 статьи 166 ГК Российской Федерации, согласно которому заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

В рамках потребительских правоотношений сказанное в полной мере относится не только к предпринимателям, но и к самим потребителям, тем более что, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное требование добросовестности обладает свойством универсального, т.е. применимого к оценке всякого поведения субъекта любых правоотношений (постановления от 2 июля 2024 года № 34-П, от 23 мая 2025 года № 21-П и др.). Соответственно, в ходе осуществления своих прав потребитель не вправе пересекать пределы, за которыми начинается нарушение прав и законных интересов его контрагента. При этом сами по себе наличие у участника спора статуса потребителя и установление подлежащего защите права нормой закона, даже если она обладает свойством императивности, не свидетельствуют о невозможности проверки судом его поведения на предмет добросовестности и применения в отношении него указанных правовых последствий.

Данные правовые возможности предоставляют добросовестному профессиональному участнику гражданского оборота дополнительные гарантии защиты его интересов в ситуации, когда потребитель, осознанно и добровольно предлагая или соглашаясь с определенными условиями сотрудничества, формально отличающимися от предусмотренной законодателем модели поведения, впоследствии предпринимает односторонние действия для изменения этих условий в соответствии со своими изменившимися интересами. Конституционный Суд Российской Федерации на этот счет неоднократно указывал, что при рассмотрении дел суды обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы – иное вело бы к тому, что право на судебную защиту, гарантируемое статьей 46 Конституции Российской Федерации, было бы существенно ущемлено (постановления от 13 декабря 2016 года № 28-П, от 13 октября 2022 года № 43-П, от 28 января 2025 года № 3-П и др.). Гарантии же судебной защиты должны носить всеобъемлющий характер, с тем чтобы

конституционные права и свободы были не иллюзорными, а реально действующими (Постановление от 14 января 2020 года № 2-П и др.).

Сказанное в полной мере относится к ситуациям, когда в правоотношениях с участием потребителей стороны в связи со спецификой предмета договора и (или) в интересах потребителя определяют цену договора не путем указания полной суммы, подлежащей выплате им, а иным способом. Обе стороны договора должны применять этот способ, определяя подлежащую выплате цену и в дальнейшем исполняя договор, в строгом соответствии с требованиями добросовестности.

7. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу о том, что абзац четвертый пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 1), 8 (часть 1), 34 (часть 1), 55 (часть 3) и 75¹, в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, он не позволяет – исходя из специфики предмета договора, обоснованно квалифицированного в качестве подпадающего под действие законодательства о защите прав потребителей, а также в ситуациях, когда исполнение такого договора предполагает увеличение имущественной сферы потребителя (т.е. отсутствуют риски несения последним не соответствующих его ожиданиям убытков), – определять в договоре, если на момент его заключения это соответствует интересам потребителя, цену не в виде полной фиксированной суммы, подлежащей уплате им за товар, работу или услугу, а иным согласованным при заключении договора способом (в частности, с использованием формулы), позволяющим потребителю без существенных затруднений достоверно определить цену договора и прогнозировать размер и перспективы его будущих предельных затрат. При этом контрагент потребителя в случае спора должен доказать, что на момент согласования соответствующего условия договора оно не нарушало интересов потребителя и (или) соответствовало им и что до потребителя в доступной форме была доведена вся необходимая

информация о цене, позволявшая ему определить предельный размер таких затрат.

С учетом того что несоответствие оспариваемой нормы Конституции Российской Федерации усматривается Конституционным Судом Российской Федерации только в части смысла, который придается ей правоприменительной практикой, он не находит оснований для установления в соответствии с пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» порядка исполнения настоящего Постановления и для признания обязанности федерального законодателя внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления. В то же время федеральный законодатель не лишен возможности в пределах своей правотворческой дискреции нормативно уточнить порядок определения цены в договорах с участием потребителей в ситуациях, требующих учитывать специфику предмета договора и интересы самих потребителей.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать абзац четвертый пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 1), 8 (часть 1), 34 (часть 1), 55 (часть 3) и 75¹, в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, он не позволяет – исходя из специфики предмета договора, обоснованно квалифицированного в качестве подпадающего под действие законодательства о защите прав потребителей, а также в ситуациях, когда исполнение такого договора предполагает увеличение имущественной сферы потребителя (т.е. отсутствуют риски несения последним не соответствующих его ожиданиям убытков), –

определять в договоре, если на момент его заключения это соответствует интересам потребителя, цену не в виде полной фиксированной суммы, подлежащей уплате им за товар, работу или услугу, а иным согласованным при заключении договора способом (в частности, с использованием формулы), позволяющим потребителю без существенных затруднений достоверно определить цену договора и прогнозировать размер и перспективы его будущих предельных затрат. При этом контрагент потребителя в случае спора должен доказать, что на момент согласования соответствующего условия договора оно не нарушало интересов потребителя и (или) соответствовало им и что до потребителя в доступной форме была доведена вся необходимая информация о цене, позволявшая ему определить предельный размер таких затрат.

2. Судебные постановления, вынесенные по делу с участием гражданки Осиповой Анастасии Владимировны на основании абзаца четвертого пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет других препятствий.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности пунктов 1 и 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», а также пункта 1 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)».

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 62-П

Конституционный Суд
Российской Федерации